

Глава 1

Летние каникулы

Школьники были в восторге от четырех недель каникул, благодаря которым они могли больше времени провести дома, а вот Наги был совсем не рад. Четыре недели без Джису и остальных ребят, без уроков естествознания и разгадок секретов школы — это все равно что оказаться в темной пещере.

Родители Наги развелись, когда он еще был маленьким. Дома его ждала только мама. С самого детства Наги было трудно понять ее поступки. Но когда он стал старше и познакомился с другими людьми, то понял, что его мать — совершенно обычный человек, а странный он сам. Примерно тогда между ними начала расти стена.

Вернувшись домой, Наги немного поколебался, а затем позвонил в дверь. Изнутри послышался шум, и уже через мгновение входная дверь отворилась.

— Ты приехал...

— Да, я вернулся.

Таким было их воссоединение спустя три месяца.

Распаковывая вещи в своей комнате, Наги слышал, как мама готовит на кухне ужин. Он закончил разбирать чемоданы, рассеянно уселся на стул и задумался, как он будет проводить оставшееся время. Сейчас 17:40. Ужинать они, скорее всего, сядут около шести. Поэтому сейчас уже поздно начинать читать или включать компьютер. Он наверняка увлечется и пропустит ужин, и ему придется есть то, что для него оставят на столе, когда все уже остынет. Это было нормально для Наги, но теперь он смутно понимал, что так поступать не стоит. Размышляя о том, как же провести эти двадцать минут, Наги пошел в гостиную и сел за обеденный стол.

Стоило ему усесться, как мама удивленно оглянулась. Наги так смутило выражение ее лица, что он невольно обернулся, но позади него была только аккуратно прибранная гостиная.

Из оцепенения маму вывело шкворчание тушеного мяса, и, уменьшив огонь на плите, она снова принялась нарезать кабачки. Она несколько раз пыталась заговорить с Наги, но слова застревали у нее в горле. Вскоре ужин был уже готов, и они принялись за еду.

Между Наги и его мамой повисло напряженное молчание. Наги всегда было сложно понять ее настроение. Когда он был маленьким, ему казалось, что мама может внезапно рассердиться или загрустить. Только что она была переполнена надеждой, но потом

вновь разочаровывалась: иногда она хвалила Наги, а потом начинала критиковать его. Мальчику казалось, что это можно сравнить с прудом, полным тины, который мутнеет от малейшего колебания. Поэтому Наги старался не вызывать ряби на его поверхности. Самым простым способом было держаться от матери на некотором расстоянии. Но сейчас он будто переступил невидимую границу и после длительного молчания вдруг осторожно заговорил:

— Вкусно...

От его слов мама странно хмыкнула и расплакалась. Казалось, она сама была удивлена столь резкой сменой эмоций, так что быстро схватила салфетку, промокнула ей глаза и принялась обмахивать лицо руками, чтобы унять слезы.

— Я просто не ожидала. Я... — мама попыталась продолжить говорить, хоть она и прерывалась через слово, но вскоре она уже не смогла сдерживать слезы. Наги пожалел, что нечаянно расстроил ее. Он впервые осознал, что их отношения могут быть хуже, чем ему казалось.

Той ночью мама Наги, лежа в постели, вспоминала все события, произошедшие с его рождения.

Когда Наги вовремя не начал говорить, ей сказали, что у мальчика может быть аутизм. Мама не соглашалась, утверждая, что Наги умеет смотреть людям в глаза, да и в телефон ему нравится глазеть. Только вот взгляд Наги действительно отличался

от того, которым обладали другие дети. И еще он почти не плакал и не смеялся.

Когда мальчик подрос и научился говорить, слова, которыми его характеризовали, стали более сложными и разнообразными. В его адрес постоянно звучали такие незнакомые диагнозы, как СДВГ и синдром Аспергера. Когда они с тревогой пришли в больницу, врач сказал, что у аутизма и СДВГ, несмотря на сходство, есть некоторые различия. Эти слова словно вселили надежду в сердце мамы. В дальнейшем, стоило ей услышать от окружающих слово «аутизм», она приходила в ярость. Для нее различия были гораздо важнее, чем сходство. Ссоры на этой почве продолжались, и она все сильнее отдалялась от своих друзей. Примерно в то же время родители развелись.

Все изменилось, когда в детском саду Наги начал осваивать цифры. Тогда окружающие впервые заговорили о том, что мальчик может быть гением. Наги впитывал знания, словно губка, и сам научился умножать и делить. Еще ни разу не имея дела с таблицей умножения, на вопрос учителя: «Сколько будет девять умножить на девять?» — Наги ответил: «Восемьдесят один». Мама до сих пор помнила выражение лица учителя в тот момент.

Находясь в собственном мире, Наги выяснял все больше и больше нового. Так, узнав о существовании библиотеки, он стал ходить туда каждый день вместо детского сада. Он занял первое место по стране

на своей первой олимпиаде по математике, куда попал по рекомендации учителя из начальной школы, но кто бы поверил, что сложнее всего было привести мальчика на награждение и заставить его сидеть на месте? Мама хотела запечатлеть, как ее сын получает награду, и наняла профессионального фотографа, но Наги интересовал только его кубик. Она никогда не испытывала такого разочарования, как в тот день.

Тем не менее с того дня люди начали говорить о том, что все гении такие по своей природе, и к Наги пришло признание. Многие, в том числе и школьные учителя, хотели обучать Наги. Его мама была полна надежд, что все сложится хорошо, но Наги, казалось, издевался над ней и только глубже и глубже погружался в свой мир. Для него было обычным делом сдать во время экзамена пустой лист. И дело было не в том, что он не понимал задания. Наги не мог решать поставленные задачи в отведенное время. Сначала мама думала, что все дело в заинтересованности, но стоило ей услышать, что на следующей олимпиаде по математике Наги тоже сдал чистый лист, как все ее надежды рухнули. Какой бы быстрой ни была лошадь, она не сможет участвовать в скачках, если ее нельзя заставить бежать по сигналу. Этот факт привел маму в отчаяние.

После этого для них наступили сложные времена. Наги наблюдал, как мама плакала, молилась и злилась, и однажды она увидела в его глазах отражение

того же страха, который скрывался в ней. Страх при столкновении с непонятным существом. С того дня мама решила, что ей стоит держаться подальше от Наги. Не только ради себя, но и, прежде всего, ради Наги.

Когда она отстранилась, то увидела, что все постепенно становится лучше. Бывали дни, когда мальчик приходил в школу вовремя, и в какой-то момент он стал съедать еду, оставленную на столе. А потом он нашел свой путь и поступил в естественно-научную школу. Мама всегда беспокоилась о том, сможет ли ее ребенок ужиться с другими людьми, но сегодня Наги сам пришел к ужину. Давно покинувшая ее надежда вновь возродилась. Мама глубоко вздохнула и взяла себя в руки.

«Подожди. Ни к чему жадничать, просто подожди», — словно заклинание, повторяла она в уме и впервые за долгое время уснула глубоким сном.

В это время Лина в одиночестве ела рамэн у себя дома. Ее родители трудились допоздна. Раньше работал только ее отец, но, когда его бизнес рухнул, мать тоже устроилась на службу. Лина никак не могла понять, почему, притом что они все больше и больше времени проводили на работе, их жилье становилось все меньше, а жизнь все труднее.

— Спасибо за ужин, — сказала Лина в пустоту и пошла мыть посуду. Приведя в порядок приборы,

она переделалась в тренировочную одежду. После легкой растяжки девушка положила руки на балетную перекладину, расположенную у стены комнаты.

«Деми-плие, гранд-плие, руки в третью позицию, прогиб назад», — Лина повторяла связки под музыку, играющую у нее на телефоне. В балете главное — это повторение, до тех пор пока все движения не начнут выполняться автоматически.

«Вот бы сюда зеркало побольше», — подумала она. Зеркало в ширину плеч было слишком узким, и она не могла видеть развернутые в стороны пальцы стоп. Было бы здорово, будь у нее помещение с огромным зеркалом, где она смогла бы заниматься без отвлекающего шума с соседних этажей, и возможность постоянно тренироваться. Лина покачала головой, отгоняя эту мысль. Все, что она может сейчас, — практиковаться и не допустить, чтобы ее навыки ослабли до возвращения в школу.

Лина продолжала тренироваться, пока на лбу не выступили бусинки пота. После каникул она заберет станок в их убежище.

«Надеюсь, каникулы пролетят быстро», — подняв ногу вперед до уровня талии, она медленно отвела ее в сторону, а затем назад. Лина с нетерпением ждала начала школьных занятий.

В то же время в доме Кымсылъ происходил скандал.
— И почему же вы так просто выбрасываете их?!

— Дом у нас маленький, а твоим комиксам конца не видно! Раз уж ты пошла в специализированную школу, то пора бы и за ум взяться, сколько можно читать эту свою манхву?

— Чтение когда-нибудь мешало моей учебе?!

Вернувшись домой, Кымсылъ заметила, что часть ее книжного шкафа занимают учебники и тетради брата-старшеклассника. На каждой стороне двухъярусного книжного шкафа было по пятнадцать полок и семьдесят пять отделений, в которых вмещалось около трехсот книг. Кымсылъ планировала перевезти комиксы в их убежище и думала, что дома в шкафу они в целости и сохранности. Узнав, что около трехсот томов были выброшены, она вышла из себя.

— Я не обязана у тебя спрашивать, даже если собираюсь выбросить сто или двести томов. Сколько их было? Ты уже все их просмотрела, зачем их хранить.

— Я могла бы сделать это сама! Почему ты выкинула их?

— Так или иначе, ты купила их на родительские деньги, а не на свои.

— Ты всегда так поступаешь! — Кымсылъ хлопнула дверью, упала на кровать и заплакала. Ей вспоминались разные случаи, когда ее комиксы, куклы и фигурки выбрасывали из-за того, что комната выглядела захлавленной. Переезжая в общежитие, она

неоднократно просила не трогать вещи в ее комнате, и вот результат. Кымсылъ была дрожь от невыносимого чувства, будто ее предали.

«Поскорее бы стать взрослой. Хочу на собственные деньги заполнить свое пространство тем, чем мне хочется, и жить без чужого вмешательства. Может, я не стану сказочной принцессой, но и лесной ведьмой стать тоже не откажусь».

Кымсылъ еще долго плакала, но в конце концов уснула.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

